

ДИАНА ФАД

НАСЛЕДНИЦА ОТЦА

Мой сладкий яд

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Л Ю Б О В Н Ы Й Р О М А Н

Диана ФАД

Наследница отца

«Литнет»

2024

ФАД Д.

Наследница отца / Д. ФАД — «Литнет», 2024

— Антон Романович, позвольте вам представить Ульяна Михайловна Азарова. Жена вашего отца. — Чего?! — я вскакиваю с кресла, подлетаю к девушке, — Эта?! Та, испуганно открыв глаза, смотрит на меня. Сжимаю кулаки, с трудом сдерживаю желание вцепиться в эту тонкую шею. Заорать на весь кабинет. — Жена отца, серьезно? Ей восемнадцать — то есть? — оглядываюсь на нотариуса, и тот кивает, — Бумаги! — выкидываю вперед руку, и Владислав Иннокентиевич вкладывает в мои пальцы папку. — Здесь копии, сами понимаете, оригиналы не могу дать, — оправдывается он. — Ты на кого работаешь? — рычу на него, выдергивая папку, — Уволю всех на хрен! — вырывается из меня, пока рассматриваю документы. — Все имущество вашего отца делится пополам между Ульяной Михайловной и вами, Антон Романович. От автора: Наследники...Как часто и неожиданно оказывается, что все летит прахом. Рассчитываешь на одно, а получаешь совсем другое. Вот и Антону предстоит выяснить, откуда взялась наследница и почему отец женился тайно.Присутствует пара слов матом))

© ФАД Д., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2. За год до этого	7
Глава 3	9
Глава 4. Наше время	11
Глава 5. За год до этого	13
Глава 6. Наше время	15
Глава 7	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Глава 1

В особняке было так тихо, что казалось, в нем давно никто не живет, а по коридорам бродят призраки бывших жильцов. Я прошел по пустому коридору, где был слышен каждый шаг на мраморном полу. Ковровые дорожки сняли, пол сверкал чистотой. Мои мотоботы здесь были так же уместны, как и мой мотоцикл около пафосного ресторана, где только что закончились поминки. Отец неожиданно свалил на тот свет, оставляя после себя огромную компанию по строительству, людей, что на него работали и меня, разбираться со всем этим. Авария унесла жизнь, расплющив всмятку в автомобиле представительского класса его и пару охранников вместе с ним. Отец был за рулем, уровень алкоголя в крови зашкаливал. Как он оказался за рулем, почему абсолютно трезвые охранники допустили это, пока никто не мог мне сказать.

Зеркала в коридорах занавешены черным тюлем, и я остановился напротив одного из них. Сдернул невесомую ткань, вглядываясь в тень своего отца, в себя. Высокий, широкоплечий. Глаза цвета мха, сурово смотрели из-под нахмуренных бровей. Высокие скулы, твердый подбородок. Губы кривятся в улыбке, еще чуть и покажется оскал белых зубов. Небольшая борода, темно-русые волосы в беспорядке, и я слегка пригладил их рукой. Растрепались от ветра, пока летел сюда, в этот дом на всех парах, словно за мной гнались.

Сколько я здесь не был? Года два или больше. Как поругались тогда с отцом, орали на весь дом, что стекла дрожали в окнах, так и ушел, хлопнув дверью. Забрал только свой байк и куртку с паспортом. А теперь получается и не попрощались, не помирились. Да и хрен бы с ним, я знаю,

Батя меня простил давно. А вот себя простить теперь вряд ли получится. Самое обидное, я прав был, а не он. Отказался от навязанного мне брака с дочерью партнера отца по бизнесу. Плохой сын, неблагодарный, как сказал отец, все мне дал, а я не оценил. Такая сволочь я, бесчувственная.

Два года игнорировал его звонки и письма на электронку. Переводы денежные отправлял обратно, пока звонок тот не раздался. От адвоката нашего. Все, не перед кем мне теперь свою свободу отстаивать. Вот она, бери не хочу. Только в груди что-то больно ноет. Все-таки отец мне ничего плохого не сделал, кроме одного. Того, что простить ему всю жизнь свою не могу. С самой смерти матери не могу, ну нет во мне такой силы, чтобы взять и принять это.

Толкнул дверь в бывший кабинет отца, где уже ждали двое мужчин: один адвокат нашей семьи, второй нотариус, который работал с отцом очень давно. Отец любил окружать себя нужными людьми и не любил менять их. Платил им щедро, но и требовал подчас невозможного.

Коротко кивнул мужчинам, которые встали с черного кожаного дивана, и прошел к столу отца. Кабинет в английском стиле, стены обшиты дорогими панелями красного дерева, полированный стол с резными ножками. Массивный, тяжелый. Такой же шкаф, секретер. Бархатные шторы с золотым кистями на окнах, лампа под красным абажуром. Отец обожал красный цвет и стиль старой доброй Англии. Тут я с ним был согласен, насчет Англии, а вот красный цвет ненавидел с детства.

Я сел в кожаное кресло, внимательно разглядывая мужчин. Обоих я тоже знал с детства, как и они меня. Часто присутствовал при разговорах с отцом, пока они обсуждали дела компании. Свое мнение об этих двоих у меня сложилось давно. Нотариус, Владислав Иннокентиевич Сомов, самый старый, ему 58. Но дело свое знает и когда нужно закрывать глаза на сделки. Нет, все законно, но лишних вопросов не задает. Немного полный, с залысиной, похож, по моему мнению, на колобок, только в дорогих очках. Этот не предаст никогда, ему жизнь дороже, чем бабки, а то, что за свое предательство он не проживет ни дня, если такое будет, отлично знает.

Второй моложе, Виктор Андреевич Карубин. Адвокат, который не раз спасал задницу отца. Жесткий, знающий себе цену, причем стоимость его довольно высокая. Отец платил, я тоже буду платить, если не соскочит с пути.

— Антон Романович, мы готовы огласить завещание вашего отца, — нотариус посмотрел на адвоката и замолчал, а я напрягся. В чем дело? — Но...

— Что? — перевел взгляд с одного на другого, что за секретники у них бл... — Что-то не так?

— В некотором смысле, — произнес Владислав Иннокентиевич, — Мы ждем еще одного фигуранта.

— Кого? — удивился я. Кроме меня у отца больше нет детей, жены тоже. Мать умерла, когда мне было пять лет, а больше отец не женился, хватило ума, — Почему я должен ждать кого-то, чтобы услышать завещание отца? — сердито спросил их, и мы все молча посмотрели на входную дверь.

По всему коридору раздавался стук каблучков о мраморный пол. Звук замер у двери, словно человек раздумывал какое-то время входить или нет. Затем раздался чуть слышный стук в дверь.

— Войдите, — хрипло сказал я, складывая перед собой руки на столе.

Дверь открылась и в кабинет вошла девушка, невысокая, стройная, в брючном костюме изумрудного цвета. Под пиджаком белая кружевная блузка под горло, волосы пепельного цвета забраны вверх, на ногах черные лодочки на шпильке. Красивая, с большими синими глазами, пухленькими губками в виде сердечка и розовом блеске. На вид ей не больше восемнадцати лет. Она испуганно обвела взглядом кабинет, задержавшись на каждом, и улыбнулась уголками рта Виктору. Ясно, эти двое знакомы, но откуда?

— Антон Романович, позвольте вам представить Ульяна Михайловна Азарова. Жена вашего отца.

— Чего?! — я вскакиваю с кресла, подлетаю к девушке, — Эта?!

Та, испуганно открыв глаза, смотрит на меня. Сжимаю кулаки, с трудом сдерживаю желание вцепиться в эту тонкую шею. Заорать на весь кабинет.

— Жена отца, серьезно? Ей восемнадцать — то есть? — оглядываюсь на нотариуса, и тот кивает, — Бумаги! — выкидываю вперед руку, и Владислав Иннокентиевич вкладывает в мои пальцы папку.

— Здесь копии, сами понимаете, оригиналы не могу дать, — оправдывается он.

— Ты на кого работаешь? — рычу на него, выдергивая папку, — Уволю всех на хрен! — вырывается из меня, пока рассматриваю документы.

— Все имущество вашего отца делится пополам между Ульяной Михайловной и вами, Антон Романович, — приступает к своим обязанностям нотариус, — Все, включая акции компании, особняк, недвижимость в России и за рубежом. Полный список был включен в завещание и подписан вашим отцом. Все документы будут оформлены в соответствии с волей вашего отца. Поздравляю, Ульяна Михайловна и вас, Антон Романович, — уже еле слышно произнес этот колобок, с ужасом понимая, что ляпнул. Кого и с чем поздравил, придурок. И так на грани от убийства ходил, теперь сам себя приговорил. Вместе с этой, с ЖЕНОЙ ОТЦА!

**ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.
 ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ УПОМИНАНИЕ КУРЕНИЯ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ. КУРЕНИЕ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЕ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.
 ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ.
 ВОЗРАСТНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ 18+**

Глава 2. За год до этого

— Уля, сегодня Роман Андреевич придет, — мама стоит у зеркала, поправляет темно-синее платье, что так хорошо сидит на ее фигуре.

Светлые с серебристыми прядями волосы забраны вверх, лишь несколько легких локонов спускаются на хрупкие плечи. Мама красивая, очень. Она мне всегда казалась сказочной феей из сказки. Доброй, волшебной.

— Мне уйти? — откладываю книгу в сторону, убираю на журнальный столик. Так уютно устроилась в широком кожаном кресле.

Мне всегда нравилось в нем сидеть. Рядом высокий торшер под тканевым абажуром, напротив, телевизор. Гостиная большая, но это мой самый уютный уголок для чтения. Могу зависать здесь часами.

— Нет, мы идем в ресторан, я подумала, что ... — мама вдруг поворачивается ко мне и отходит от зеркала.

Садится рядом на край такого же, как кресло, дивана, берет в руки мою ладошку. Моя рука тонкая, пальчики музыкальные, как говорит бабушка. На большом пальце три узких колечка с танцующим бриллиантом. Все время боюсь потерять мою единственную драгоценность, что подарила мама на восемнадцатилетие. На память, как она сказала.

— Думаю, сегодня Рома сделает мне предложение, — улыбается мама.

— Надо же, сколько лет, — слегка язвительно отвечаю я, — Семь или больше?

— Уля, — мама смотрит сердито, — Он и раньше намекал, но я не хотела, ты знаешь.

— А сейчас, что изменилось?

— Ты выросла, — объясняет мама, — Теперь можешь понять меня. Раньше ты воспринимала в штыки любого мужчину в нашем доме кроме отца. После его смерти устраивала мне истерики, если за мной кто-то начинал ухаживать. Как ты думаешь, кого я должна была выбрать? Свою личную жизнь или тебя?

— Мам, — морщусь, — Ну ты бы еще меня в детском саду вспомнила.

— Там как раз проще все было. Папа был... — какое-то время молчим, вспоминая отца, что ушел от нас так рано.

Мне было восемь лет, когда его сердце внезапно остановилось. Ехал на дачу, на машине после рабочей трудовой недели и все, прямо за рулем и умер. И не стало великолепного хирурга. Похороны были пышные, многолюдные. С папой пришли проститься бывшие пациенты, коллеги, ученики, которые уже сами стали хорошими врачами. Я смутно помню тот день, но на кладбище меня все же привезли. Не понимала, зачем восьмилетнему ребенку все это видеть, но мама была права, когда настояла на этом.

— Дочь должна проститься с отцом, — твердо стояла мама на своем решении, так и вышло.

Сейчас после стольких лет я была ей благодарна за это. Теперь я понимаю, что тогда для меня, маленькой девочки это было правильным решением. Иначе я бы никогда не поверила, что отца больше нет. Именно там, на кладбище, я нашла свое призвание. Живой оркестр играл музыку, которая перевернула все мое сознание. Особенно скрипка и арфа.

Скрипка и арфа заполняли воздух мелодиями, которые казались мне знакомыми и одновременно неизведанными. Они вызывали слезы и улыбки, смешивали боль и надежду, создавая внутренний диалог, который я не могла понять словами.

Среди могил и цветов, среди скорбящих и утешающих, я ощутила, что отец был рядом. В его глазах, в его улыбке, в каждой ноте, которую играл оркестр, жила его душа. И я поняла, что нельзя его просто забыть, что нельзя стереть из памяти. Надо принять и отпустить, но сохранить в сердце, в душе, в музыке.

Так, стоя на кладбище, среди музыки и молчания, я почувствовала, что отец навсегда останется со мной. Он будет в каждой ноте, в каждом вдохе, в каждом шаге по жизни. И я должна принять его уход, простить и отпустить, чтобы его душа могла свободно путешествовать в мире музыки, в мире вечности...

И тогда, снова прислушавшись к скрипке и арфе, я поняла, что музыка — это язык души, язык, который несет в себе все чувства, всю боль и радость, всю память и надежду. И в этот момент я уже знала, что мое призвание — это быть мостом между музыкой и миром, быть тем звуком, который напоминает о любви, о связи, о вечности.

Так я стала слушать музыку с новым взглядом, с новым пониманием. И каждая нота, каждый звук, каждая мелодия напоминала мне об отце, о его любви, о его уходе. И это было не прощание, а начало нового соединения, нового пути, где музыка и душа становились одним целым, где я могла чувствовать отца рядом, даже если его не было физически...

— Я хочу играть на скрипке, — твердо заявила матери, когда мы приехали домой после похорон. Почему на скрипке? Не знаю. Арфа мне тогда казалась слишком громоздкой и большой.

— Не сейчас, Уля, — накачанная транквилизаторами мать сидела на кровати в их с отцом спальне и не реагировала почти ни на что.

— Сейчас! — топнула маленькой ножкой, обутой в черную лаковую туфельку.

— О, Господи, — закрывает руками свое лицо мама, и ее плечи начинают вздрагивать.

Я забираюсь на кровать и обнимаю ее, прижимаясь к спине, глажу по волосам.

— Mam, сейчас, — тихо произношу ей на ушко, — Мне нужно, мам.

Через час мы уже сидели в кабинете директора ближайшей музыкальной школы.

— Понимаете, у ребенка большая утрата, горе, — объясняла мама худому представителю мужчине в сером костюме, — Пусть у нее, возможно, нет слуха или таланта, но ей нужно играть, слышать, ощущать.

— Вы кто по профессии? — интересуется мужчина, — Так тонко чувствовать своего ребенка?

— Я психолог, — отвечает мама, комкая в руках платочек.

— Ах, психолог, — улыбается мужчина, — Как психолог вы должны знать, что это временная реакция. Замена одних чувств другими. Через месяц у вашей дочери все придет в норму, и музыка будет ей не нужна.

— Если так, то пусть так и будет, — упрямо отвечает мама, — Моя дочь хочет заниматься и будет, даже если впоследствии откажется от занятий.

Не случилось, втянулась так, что музыка стала частью моей жизни, если не самой жизнью. Я жила в мелодии своей скрипки, я существовала в музыке.

Глава 3

— Мама, я не против, чтобы ты вышла замуж. Если ты действительно любишь и уверена в этом человеке. Тем более, я уезжаю на полгода, буду на гастролях в Европе. Мне легче знать, что ты не одна.

— Правда? — начинает улыбаться мама и я вижу, как тревожность уходит из ее глаз.

— Правда, — наклоняюсь к ней, целую в щеку, — Ты сегодня очень красивая. Не удивлюсь, если предложение о замужестве все же будет. Да и сколько можно уже вам скрываться ото всех.

— Это моя вина, я просила Рому не афишировать наши встречи, — мама встает и отходит к окну, смотрит во двор, на стекло, где дождь тихо плакал, оставляя на стекле прозрачные капли, — Ты же знаешь, он все время на виду у прессы, меня, да и тебя не оставят в покое, как только все узнают.

Я медленно поднялась с места и подошла к ней. Обняла маму за плечи, словно возвращаясь в детство, когда ее объятия казались самым безопасным местом на земле. Вдохнула запах ее любимых цветочных духов, который всегда напоминал мне о доме и о ее нежности.

— Ты его любишь? — спрашиваю я, хотя уже знаю ответ. Но чувствую, что мама нуждается в моей поддержке больше всего.

— Очень, — признается мама, — Он замечательный.

— Я тебе верю. И желаю вам счастья.

— Рома предложил нам переехать в его дом. Тебя в консерваторию будет возить водитель, там охрана, два этажа, прислуга. Надеюсь, тебе там понравится.

— Я не поеду, мам, не нужно мне ничего этого, — отстраняюсь и иду на кухню, чтобы поставить чайник, — Будешь чай?

— Буду, но Уля, почему не поедешь? — тревожится мама и идет за мной.

— Потому что мне пора жить своей жизнью и не мешать вам. Тем более, насколько я знаю, у твоего Романа есть сын. Зачем я им?

— Сын уже взрослый и живет отдельно.

— Ну так и я взрослая, мама, — улыбаюсь, ополаскивая чайник и насыпая свежую заварку, — Мне почти девятнадцать, нужно становиться самостоятельной.

— Я не знаю, — расстраивается мама.

— Все будет хорошо, не переживай, да и зачем я вам. Доживайте свою старость вместе.

— Фф, старость, — всплескивает руками мама, — Скажешь тоже.

Обе вздрагиваем от звонка в дверь.

— Рома, — мама бежит открывать, и я иду за ней, встаю в прихожей, прислоняясь плечом к стене.

Рассматриваю Романа Андреевича. Очень серьезный и видный мужчина. Он намного старше мамы, представительный, подтянутый. Не удивлюсь, если у него дома есть тренажерный зал и бассейн, где Роман частый гость. Высокий, широкоплечий. Черные волосы с серебром на висках. Взгляд, прошибающий до дрожи, но сейчас смотрит на маму, я бы сказала даже нежно. Он ее действительно любит, и она его. Интересная встреча у них тогда получилась.

Роман Андреевич пришел к маме как к психологу. Жаловался, что почти совсем перестал спать, дикая нагрузка на работе, стресс, депрессия после смерти жены. И как-то незаметно эти двое полюбили друг друга. Я не обращала внимания, да и они свои отношения мне не навязывали. У меня тогда был сложный период, школа, музыкальная школа, постоянные концерты, зачеты, выступления.

Роман уже давно хотел заниматься с психологом, чтобы разгрузить свою душу от тяжести, которая навалилась на него после трагической потери жены. Он терзался бессонницей, страдал

от стресса на работе, ища выход из этого безнадежного состояния. Мама помогла ему, конечно, как специалист, но и как женщина тоже. И пусть Роман был старше на пятнадцать лет, между ними словно не было разницы в возрасте. Эти двое понимали друг друга с полуслова, только вот я не хотела их понять. Сопротивлялась этим отношениям в серьез, сейчас уже не могу вспомнить почему. Но тогда мне казалось, что мама предает этим самым папу, когда убегает на встречи со своим Романом, когда возвращается поздно ночью довольная и счастливая. И я снова ушла в музыку, оставляя этим двоим разбираться со своими чувствами. Старалась не устраивать истерики при каждой встрече с Романом, это уже было бы перебором.

Тогда в моей подростковой психике не укладывалось то, что мама тоже женщина, тоже человек и нуждается не только в моей любви. Меня ей недостаточно. Я не понимала, почему ей мало моего общения, заботы обо мне, наших совместных вечеров, чаепитий. Тихих семейных праздников с бабушкой, матерью папы. Это понимание приходит с годами, с опытом. Ты начинаешь осознавать, что есть и другие люди, в которых можно влюбиться, с которыми можно гулять и смеяться, испытывать к ним похожие чувства. Это была просто банальная ревность дочери к своей матери, которая вдруг нашла время еще для кого-то кроме своего ребенка. Мне нужно было время, чтобы все это принять и начать относиться адекватно ко всему происходящему.

Постепенно между Романом и мамой возникли невидимые, но теплые узы. Они обнаружили, что у них много общего, что их боли и радости переплетаются в неразрывный узел, который делает их ближе друг к другу. Роман начал видеть в маме не только родственную душу, но и ценного собеседника, который понимает его лучше всех.

И хотя в их отношениях не было ничего не пристойного или запретного, Роман и мама понимали, что они стали друг для друга самыми близкими и дорогими людьми в этом мире. Их связь была основана на взаимопонимании, уважении и безграничной любви, которая незаметно возникла между ними. А потом появилась и близость, но это я уже не хотела бы знать. Просто поняла по цветущему виду мамы, что теперь они с Романом любовники, а не просто друзья.

Я была и есть талантливая скрипачка, это без ложной скромности. Тогда меня все же взяли в музыкальную школу и обнаружили, что у меня почти идеальный слух. Затем я втянулась, учителя хвалили, появились дополнительные занятия, индивидуальные выступления. В пятнадцать лет я уже играла с оркестром часовые концерты. Это было большим достижением, очень значимым для меня. Мама гордилась мной, а я уже не могла жить без музыки.

Каждый раз, когда я играла на скрипке, я чувствовала руку папы на своем плече, его улыбку в сердце, его любовь в каждой ноте. И я знала — он всегда будет со мной, в музыке, в мире, в вечности...

Глава 4. Наше время

— Прошу вас, Ульяна Михайловна, — нотариус приглашает девушку сесть в кресло напротив стола, а я наблюдаю, сложив руки на груди.

Бешенство распирает, ярость плещется в районе глотки. Никогда не думал, что могу так ненавидеть. И дело не в деньгах, точнее, не совсем в них. Мало того что отец скрыл от меня такую пикантную новость, так еще и в завещание внес эту... Шлюху. А кто она еще? Связалась со стариком старше ее лет на сорок и урвала толстый кусок.

— Ты как на старика-то залезла, а? С деньгами трахаться можно да, любой сойдет? — рычу на девицу, что сидит блее снега. Хорошо играет, сука, того и гляди в обморок грохнется.

— Антон Романович, давайте без оскорблений, — просит Владислав Иннокентиевич.

Кидаю на него взгляд, от которого нотариуса передергивает, но он упрямо открывает свои бумаги.

— Еще что-то? — мне кажется, я его сейчас придушу, прямо здесь.

— Есть условие, — начинает нотариус.

— Ты меня испытать решил, да? Какое еще на хрен условие? — взрываюсь, отчего Ульяна бледнеет еще больше, — Я засужу вас всех, понятно? Не мог мой отец жениться на такой... На этой, короче.

Указываю пальцем на девицу и вижу, как в ее синих глазах вспыхивает пламя, а щеки начинают розоветь. Ого, ну давай, покажи мне свое настоящее лицо, сука.

— Ваш папа очень просил меня выйти за него замуж. Это нужно было для вашей семьи, — тонкий голос, все еще испуганный, для меня сейчас как красная тряпка для быка.

— Ты ничего не попутала, владычица старческих простыней?

— Ну все, хватит, — начинает вставать со своего кресла мачеха. Она же мне мачеха сейчас, правильно?

— Сидеть! — рявкаю я, — Пока до конца все не выясним, никто из этой комнаты не уйдет. Что там еще за условие?

— Ваш отец предусмотрел, что возможно, вы захотите опротестовать завещание, но есть и другой вариант. Вы должны жениться на Ульяне Михайловне и прожить с ней год. Если в течение года вы или она решите все же разорвать ваш брак, то все имущество, счета и недвижимость переходят к вам, Антон Романович. Ульяна Михайловна лишается прав на наследство. Ей останется хорошее пособие и квартира в Москве, та, что в Сокольниках.

— Да быть того не может! — начинаю смеяться я.

Мне реально становится смешно и это злой смех, истеричный.

— А если отказываюсь?

— Тогда Ульяна Михайловна становится законной наследницей половины всего состояния, в том числе бизнеса и акций, — невозмутимо произносит нотариус.

— Вы все тут сговорились, — начинаю догадываться я, — Это мошенничество, да? Вы все подделали и теперь суете мне эту девку, которую я вижу в первый раз. Да она, скорее всего, моего отца никогда не видела вживую? Верно, малышка?

— Я. ВАМ. НЕ МАЛЫШКА! — строго, по слогам произносит девушка. Надо же, норовистая кобылка.

— Пусть, мне вот интересно, что же такого ты делала моему отцу в постели, что он так поступил? Покажешь мне на досуге, может, и я проникнусь?

— Не желаю разговаривать в таком тоне и вынуждена покинуть этот дом, — встает, поправляя на себе пиджак, направляется к двери.

— Вышли все, — приказываю нотариусу и адвокату, — А ты останься, нам нужно поговорить.

— Я не останусь с вами наедине, — вижу, как трясется нижняя губка от страха или от ненависти ко мне? Потому что в глазах явная ненависть.

— Не бойся, тронуть тебя не смогу. Эти церберы, — киваю на адвоката и нотариуса, — подождут за дверью. Ну?!

— Антон Романович, надеюсь, что вы понимаете, что любое ваше насилие в отношении... — начинает Владислав Иннокентиевич.

— Вон, я сказал! — и служители закона скрываются за дверью, а я делаю пару шагов к девушке, которая стоит, вытянувшись словно струна, — А вот теперь мы с тобой поговорим, как близкие люди. Ты же мне мачеха получается? Значит, почти родственники, да?

— Вы слишком убиваетесь из-за этих денег, — вырывается из девицы, — Я бы отказалась, если бы могла, но дала обещание вашему отцу.

— Докажи! — встаю напротив нее, почти касаясь. Она ростом мне под подбородок.

— Как? — упрямо вздергивает свой носик, смотрит на меня снизу вверх.

— Докажи, что отец тебе это говорил. Бумага есть, нотариально заверенная, да?

— Нет, Роман Андреевич...

— Даже слышать тогда ничего не хочу. Иди, — подталкиваю ее снова в кресло. Нажимаю на хрупкое плечо, усаживая почти силой. Достая из кармана свой золотой Паркер, что подарил отец и кладу перед ней чистый лист бумаги.

— Пиши.

— Что писать?

— Что отказываешься от наследства в мою пользу и претензий не имеешь. Давай, давай, я жду.

Девица берет ручку и сидит, смотрит на лист бумаги. Мне хочется надавить ладонью на ее голову, стукнуть о стол. Никогда не замечал в себе такой склонности, но сейчас вывела из себя реально. Пришла на все готовое, денег легких захотела.

Замечаю, какие красивые у нее руки, тонкие, нежные с голубым рисунком вен, что просвечивают под кожей. Пальчики длинные, музыкальные. Да и вообще она красивая, согласен, никогда не думал, что у меня отец западает на таких молоденьких. Или реально старческий маразм начался, чтобы такое сотворить.

— Пиши, — снова приказываю ей.

Кладу одну руку на спинку кресла, вторую упираю в стол, тем самым нависаю над девушкой, давлую своей массой. Та вздыхает и начинает писать, аккуратно и медленно выводя каждую букву. Читаю, не веря своим глазам. Ты что, бессмертная, тварь?! На белом листе красивым почерком написана фраза «А не пошел бы ты, на ху*!».

Дорогие мои, небольшой подарочек! Промокод на чтение книги "Измена. Жизнь на две семьи".

Поздравляю тех, кто успеет взять! Теперь промокоды будут во многих книгах, удачи!

kCiV53H-

ed9kx9Y

Книга Здесь <https://litnet.com/shrt/nZbg>

Глава 5. За год до этого

— Ты не хочешь пойти с нами? — Роман Андреевич, помогает маме накинуть пальто, чуть сжимает плечи, как бы приобнимает.

Обычно они не афишируют при мне свои отношения, максимум это поцелуй в щеку, не более. Роман очень сдержан на людях, возможно, это из-за журналистов или просто у него такой характер.

— Нет, думаю, вам и без меня будет хорошо, — улыбаюсь, глядя, как мама надевает голубой легкий шарфик.

Роман принес маме цветы, ее любимые кремовые розы и теперь я стою с ними, крепко сжимая букет в руке. Со стеблей предварительно удалили шипы и нет обертки. Роман Андреевич всегда дарит такие, без красивой и цветной упаковки. Ему так больше нравится и мне, честно говоря, тоже, так даже мужчина, что идет по улице с таким букетом, кажется мне более элегантным, что ли.

На концертах мне часто дарят цветы, как правило, это громоздкие корзины со сложными конструкциями. Я их в основном оставляю в гримерке у сцены. Домой беру только отдельные цветы, что мне понравились.

— Мы пошли, — мама сияет, и Роман берет ее за руку. Подмигивает мне и едва заметно кивает.

Они уходят, спускаются по лестнице, игнорируя лифт. Идут, о чем-то разговаривают, смеются. Вот такие отношения мне кажутся более правдивыми, без лжи, без манерности. Искренняя улыбка, свободный разговор ни о чем. Я рада за маму, действительно рада.

Закрываю дверь и иду в свою комнату, где стены специально обиты шумопоглощающими панелями. Мы в этой квартире живем давно, и мама настояла на таком ремонте.

— Соседям не должна надоедать твоя музыка, не все любят скрипку, да и не скрипку тоже, — сказала она, когда я только начала свое «пиликанье» гамм на новеньком инструменте.

Старая скрипка до сих пор висит у меня на стене со стертым лаком на грифе. Я играла на ней долгие пять лет, пока мама не купила мне более дорогую скрипку. Но в шестнадцать лет я получила спонсорский подарок в музыкальной школе. Очень дорогую скрипку русского мастера Андрея Зубенко. Мне даже страшно представить, сколько она стоит. Скрипка застрахована на огромную сумму, и я трясусь над ней лучше, чем над своей жизнью. Но звучание этой скрипки не сравнить с обычной, купленной в магазине. Мне бы хотелось хоть раз попробовать сыграть на скрипках Страдивари, Гварнери, Амати. Но это даже не каждому звездному скрипачу удастся, куда мне до этого уровня.

Через две недели у меня месяц мастер-классов в Международном оркестровом институте Капеллы Санкт-Петербурга, а затем четыре месяца галопом по Европе для обмена опытом. Я жду этого с нетерпением и готовлюсь соответственно. Не хочу ударить в грязь лицом, ведь там будут ученики знаменитых скрипачей. Процесс репетиций с ними превращается в мастер-класс мега уровня. Меня до дрожи в ногах пугает все это, и в то же время, я готова плакать от восторга, что получила такой шанс. Это незабываемый и грандиозный для меня опыт в плане будущей карьеры.

Три часа пролетели незаметно, и я бы играла дальше без перерыва, но почувствовала невыносимую боль на внутренней стороне левого запястья. Было такое ощущение, что сухожилия на моем запястье распухли, не давая мне даже согнуть назад или даже повернуть его. С обреченным вздохом отложила скрипку в футляр и понеслась в туалет. Даже не заметила, что уже давно хочу туда. Так бывает всегда, когда я увлекаюсь музыкой. Забываю про естественные нужды, типа голода, туалета, боли в руках и ногах. Когда мама дома, то ругается и каждый

час устраивает мне перерыв. Сегодня ее нет что-то долго, но, видимо, поехали в дом к Роману Андреевичу.

Потирая запястье и облегчив страдания своего тела, иду на кухню, чтобы заварить чай. На улице уже темно, дождь перестал, и я чуть открываю окно, впуская в квартиру сырой прохладный воздух. Интересно, как будет выглядеть наша с мамой жизнь сейчас, когда она выйдет замуж. То, что она переедет к Роману это понятно, но я останусь одна. Готова ли я жить одна? Пока нет, если честно. Никогда не пробовала и даже не думала об этом. Нет, я, конечно, задумывалась о своей семье и даже детях, но все это было от меня так далеко с моими выступлениями, гастрольями и концертами. Да и возможности найти мужчину, который будет любить меня больше, чем музыку, в моем окружении не представлялось возможным. А мужчины, далекие от этого, вряд ли будут терпеть мои занятия по пять или шесть часов в день.

Нет, я не предполагала, что останусь одна на всю жизнь, но и загадывать что-то было просто пока нереально. Я даже встречалась пару месяцев с одним парнем, с нашего курса. Ну, как встречалась. За эти пару месяцев у нас было от силы три, а то и четыре свидания и два из них на сцене консерватории на очередном отчетном концерте. У нас просто не было на это времени. Как ни смешно звучит, но мы были с ним заняты под завязку, хотя в открытую ни Роберт, ни я это не признавали. Сейчас он едет со мной в Санкт-Петербург и возможно там, что-то сдвинется с мертвой точки. Хотя кого я обманываю. Там загруженность будет еще больше.

Вздрагиваю от щелчка входной двери, и в прихожую заходит сияющая мама. Прыгает на одной ноге, снимая кожаный узкий сапожок, расстегивает молнию.

— Ну? — улыбаюсь, принимая от нее пальто и вешая в шкаф на плечики.

— Вот, — гордо показывает мне руку, ладошкой вниз. На положенном пальце красуется золотое колечко с неприлично крупным розовым бриллиантом. То, что это бриллиант я не сомневаюсь ни минуты. Роман не стал бы дарить маме дешевку, тем более в такой день.

— Поздравляю, — целую маму в щеку, — И когда свадьба?

— Мы постараемся все сделать быстро. Хоть свадьба и будет скромной, но должна соответствовать статусу Романа. Будут журналисты, событие предельно масштабно будет освещаться в прессе. Поэтому постараемся все сделать достойно и приурочим к твоему возвращению из Санкт-Петербурга. Я не хочу ждать почти полгода, пока ты вернешься из Европы.

— Причем тут я, мама. Это ваш праздник, делайте все, как считаете нужным. Не торопись.

— Нет, Уля, я хочу, чтобы ты присутствовала на свадьбе. А для этого специально ехать сюда из гастрольного тура не обязательно, — строго отвечает мама и проходит на кухню, — Мы успеем за месяц, не переживай.

— Да я не переживаю, — пожимаю плечами, — Лишь бы ты была счастлива.

— Пусть, я согласна, — тихо смеется она, разглядывая свое кольцо, — Не поверишь, весь вечер глаз не могу отвести от этой прелести.

— Еще бы, такой булыжник подарили, — и мы вместе заливисто смеемся, в последний раз.

Глава 6. Наше время

— Пошла отсюда вон! — если эта стерва сейчас отсюда не уйдет, я за себя не ручаюсь. Сгребаю со стола бумагу и сжимаю ее в кулаке. Это надо мне такое написать? Да я же тебя порву!

Эта медленно встает, причем изгибается всем телом, так как я все еще нависаю над ней. Глаза в глаза, зеленые против синих. Запах ее цветочный вдыхаю, на шее жилку бьющуюся замечая. Ненавижу, как пахнут цветы. Да я ее одной рукой могу сломать.

Шаг назад и вот она уже стоит, между нами, только кресло.

— Не думала, что вы такой... — тихо произносит бессмертная.

— Какой такой? — рычу, еле сдерживая себя, а эта словно не видит, что мужик напротив на грани убийства в состоянии аффекта.

— Ваш отец говорил...

— Даже не продолжай, иначе сейчас одной бабой на планете станет меньше, — выпрямляюсь, складывая руки на груди. Сверлю ее ненавидящим взглядом.

— Ваш отец вами восхищался, — выдает на одном дыхании, — Говорил, что вы самый главный человек в его жизни, что только вам доверяет и еще я обещание ему дала...

— Тааак... — останавливаю ее словесный мусор одним движением руки, — Ты мне сейчас, что делаешь тут? Цену себе набиваешь?

— При чем тут вообще я? — удивленно смотрит, глазками своими большими хлопает, — Я вам про Романа Андреевича рассказываю.

— Вот как, Роман Андреевич, значит. Ты его и в постели так называла или другие, какие у вас клички были?

— Вы ошибаетесь, Антон Романович, — выпрямляется та, встает, копируя мою позу. Руки на груди, глаза синими искрами сверкают, — Ваш отец был глубоко порядочный человек.

— Такой порядочный, мало того женился на молодой сучке, так еще и денег ей отвалил!

— Я не просила! — чувствую, еще немного и я дожду ее, выведу из себя. Тогда она и покажет свое истинное лицо.

— Тогда садись и пиши отказную!

— Нет!

— Иначе в суде будешь доказывать кто ты и как тебя зовут. Даже не надейся, что тебе хоть копейка упадет из наследства.

— Ваш отец говорил, что вы ненавидите деньги!

— Его деньги!

— Они не пахнут!

— Для тебя точно нет, таким, как ты, подтереться деньгами можно, а вы их все равно облизывать будете.

— Ну хватит, — девка тонкой рукой проводит по лицу, словно стирая усталость, — Этот дом мой наполовину, и я останусь здесь жить.

— Чего ты сказала?! — делаю шаг к ней, — Ты ничего не попутала?

— Нет, Роман Андреевич меня предупреждал, что вы, возможно, не захотите уступить мне в моих правах. Поэтому я буду действовать в рамках закона. Дом частично мой и ваше право покинуть его или остаться, учитывая вашу половину наследства.

Меня реально сейчас снесет. Я никогда, никогда за всю свою жизнь так ненавидел женщину, тем более такую: красивую, наглую, вздрагивающую от моего рыка и упрямо отстаивающую свою линию. Я держусь на каком-то чудном и очень тонком волоске, чтобы не свернуть до щелчка эту токую шейку. Теперь я понимаю, что дело вовсе не в деньгах, да пусть подавится она всем этим, здесь уже дело принципа.

— Значит, ты, собралась жить здесь со мной одна, в этом доме? — специально спрашиваю тихо, отчего эта коза настораживается и явно пугается моего голоса.

— Ну, да, — с нотой неуверенности отвечает она, — Не будете так любезны, показать мне мою комнату? А то я пока плохо тут ориентируюсь.

— Чего?! — все, срываюсь с места, оказываясь одним прыжком рядом с ней, но ловлю только воздух.

Девушка несется к двери и поскользнувшись на каблуках, цепляется за ручку. Вылетает в коридор и притормаживает, поправляет свой пиджак.

— Владислав Иннокентиевич, вы не могли бы сообщить прислуге в этом доме, что я остаюсь здесь на правах хозяйки, — бросает на меня короткие взгляды, — Антон Романович отказывается показать мне дом и мою комнату.

— Конечно, конечно, Ульяна Михайловна, пройдемте, — лебезит перед ней нотариус.

Я вижу, как она подает ему руку и словно королева следует по коридору вглубь дома. Выхожу из кабинета, встречаясь с испуганным взглядом Виктора. Ну хоть кто-то меня боится.

— Это что сейчас было? — задаю ему вопрос, пока оба смотрим, как удаляется воркующая парочка.

— Тут, Антон Романович, ничего нельзя сделать, — разводит руками адвокат, — Воля вашего отца.

— И ты хочешь мне дать свой совет? — усмехаюсь.

— Ну что вы, как я могу, но если бы вы спросили... — хитрит Виктор.

— Говори.

— Ваш отец оставил вам лазейку, так сказать вишенку на торте.

— Какую?

— Если вы не хотите дробить все наследство пополам, включая семейный бизнес, сам холдинг, то тут только один вариант.

Он замолкает, я чувствую, что адвокат боится озвучить свою рекомендацию. Я жду с каким-то садистским удовольствием, наслаждаясь его трусостью. И этот человек работал на моего отца? Уволю на хрен. Обоих.

— Вы должны жениться на Ульяне Михайловне, — наконец, выдыхает Виктор, — Это единственный вариант сохранить наследство в ваших руках. Через год заявите, что брак не удался и вы расторгаете его. Наследство переходит полностью к вам.

— Вы все тут чокнулись, — предполагаю очевидное, — Как я на ней могу жениться, если у меня одно желание придушить эту сучку?

— Вам не обязательно с ней спать, — усмехается Виктор и тут же вздрагивает, бросает на меня испуганный взгляд, — Это всего лишь штамп в паспорте, не более.

— Штамп говоришь? — задумчиво веду рукой по подбородку, — А если она расторгнет раньше наш договор?

— Ничего не получится, Роман Андреевич четко прописал, один год, ни раньше.

— Готовь бумаги, — решаю я одним махом убить все проблемы.

— Но... Антон Романович, Ульяна... Михайловна тоже должна дать свое согласие, — теряется адвокат. Как он свои процессы ведете, если здесь чуть в штаны не наложил?

— Согласится, я бля** ее сейчас ... Согласится она, — иду по коридору, вбивая берцы в пол, следуя за удалившейся парой. Я сейчас душу из нее вытрясу, еще бы не согласилась.

Глава 7

Догоняю сладкую парочку уже на втором этаже. Стоят, мило обсуждая дизайн гостевой комнаты. Двигаю плечом несчастного нотариуса, показывая жестом, чтобы свалил в туман. Тот виновато смотрит на девуцу и спускается на первый этаж.

— Нам придется пожениться, — не глядя на нее, говорю, словно это уже решено.

— Нет, — отвечает, словно заранее готовила свой ответ, — Я никогда не выйду за вас замуж.

— Ты не поняла, я тебе не предложение делаю, а приказываю.

— Засуньте себе ваш приказ... Сами знаете куда, — отворачивается, чиркая своими шпильками на безумно дорогом паркете.

Скриплю зубами, следуя за ней.

— Пожалуй, мне эта комната подходит, — зачем-то трогает шторы у окна мягкого лавандового цвета, проводит рукой по такому же покрывалу, — Мне нравится этот цвет.

Прохожу и сажусь в кресло у туалетного столика, закинув ногу на ногу. Сверлю глазами дыру в красивом личике. Что же, девочка хочет поиграть. Я очень терпелив сегодня, прямо феноменально спокоен, учитывая обстоятельства. Наблюдаю за ней, как она ходит, как двигается. Есть в ней какое-то изящество, элегантность, хрупкость. Никогда не любил таких женщин, до которых дотронуться страшно, боишься, что сломается в твоих руках. Раскрошится как хрустальная ваза. И никогда не думал, что отцу нравятся такие, зачем-то он же на ней женился? Или все это блеф? Ничего, я перерою всю подноготную этой стервы, все про нее узнаю. А пока...

— Хорошо, поговорим как взрослые люди, — указываю ей кивком на другое кресло. Ну, конечно, так и села сразу, — Как хочешь.

— Говорите, — соглашается та и встает напротив меня, сложив руки на груди.

— Завещание составлено в пользу двоих, так? — спрашиваю ее, и она кивает, — Естественно, я не согласен отдать тебе все, сама понимаешь. Надеюсь, пока все понятно.

Дожидаюсь ответного кивка и продолжаю:

— Но есть вариант, когда мы оба можем безболезненно решить эту проблему.

— Безболезненно для кого? — хмурится девушка, — Если я вступаю в права наследства, то получаю половину всего состояния, включая акции холдинга, а если выхожу за вас замуж и через год развожусь, то лишаюсь всего, кроме жалких подачек в виде содержания? Так?

— А ты не дура, — усмехаюсь я и она, наконец, садится напротив, на краешек кровати, — Сколько ты хочешь?

— Вы имеете в виду точную сумму? — удивленно распахивает невинные глаза, — Откуда я могу знать, во сколько оценивают состояние моего мужа.

— Моего отца, — рычу я.

— И моего мужа, — добавляет бессмертная.

— Пусть так, ты получишь свою половину, но акции холдинга останутся полностью моими, — соглашаюсь я, прикидывая в уме во сколько, это мне выльется.

— Мне это не подходит, — упрямо отвечает стерва, — Дело не в деньгах, если вы еще не поняли. Я обещала вашему отцу поступить так, как он пожелает.

— Тогда, ты должна исполнить его желание и выйти за меня, — усмехаюсь в ответ и ловлю ее глаза на мгновение. В ее взгляде мелькает нерешительность, но быстро пропадает. А девочка умеет держать себя в руках, нужно отдать ей должное.

— Мой муж, — легкая пауза, — Дал два варианта развития событий.

Я киваю.

— Получается, я могу выбрать первый, — добавляет она и меня подбрасывает в кресле.

Одним прыжком оказываюсь рядом с ней и склоняюсь, обхватывая горло своей рукой. Пальцы сомкнулись, а я с удовольствием чуть сжимаю, вижу страх в ее глазах.

— Второй шанс в завещании был дан для меня, а не для тебя, поняла? И мы воспользуемся этим? Да? — еще сжимаю горло, видя, как та судорожно начинает хватать воздух.

Отпускаю, даю ей время прокашляться.

— Вы ненормальный, — сквозь кашель хрипит она, — Ваш отец никогда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.